

СТАТЬИ

А.Г. Катаева

М. ГОРЬКИЙ И РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО В ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ 20-х гг.

Середина 20-х гг. была отмечена удивительным явлением: зарождением и развитием за границами России русского издательского дела. Наибольшего расцвета книгопечатание на русском языке достигло в Германии, где на тот период времени сложились для этого благоприятные экономические и социальные условия.

Особое место среди русских издательских фирм в Германии занимали издательства, получившие в отечественной историографии наименование “горьковских”. Возникло оно вследствие активного участия М. Горького в деятельности двух издательств, созданных и действовавших при его непосредственном участии — издательства “Всемирная литература” и издательства З.И. Гржебина.

Тесное сотрудничество с Советской властью не являлось исключительным фактом для русских издательств, работавших в Германии. Изданием книг на русском языке, предназначенных для продажи в России, занималось в Германии несколько издательств, крупнейшим из которых было издательство Гржебина.

Зиновий Исаевич Гржебин (1877 – 1929), художник-график по образованию, стал известен в 1900-е гг. Его первая деловая встреча с М. Горьким произошла в 1905 г., в момент начала работы над созданием сатирического журнала “Жупел”.¹ Гржебин после Февральской революции был включен А. Бенуа в список деятелей культуры, участие которых было, по его мнению, желательно в проектировавшемся в тот период министерстве изящных искусств.² Гржебин был также одним из организаторов издательства “Шиповник” (1906 — 1918), возглавлял издательство “Пантеон” (1907 — 1910), участвовал вместе с Горьким в создании издательства “Парус” и газеты “Новая жизнь”.³

В августе 1918 г. был заключен договор между А.М. Горьким, А. Тихоновым, И. Ладыжниковым и З.И. Гржебиным об организации издательства “Всемирная литература”. В соответствии с этим документом, создаваемое издательство ставило перед собой задачу отбора,

перевода с иностранных языков, сопровождения справочным аппаратом, примечаниями и рисунками и издания произведений иностранной художественной литературы второй половины XVII – начала XX вв., а также избранных произведений русских писателей того же периода. Участники договора уполномочивали Горького заключать договоры с Народным комиссариатом просвещения на издание книг “Всемирной литературы” на средства Наркомпроса. Особый пункт оговаривал, что “все права, обязательства и ответственность за выполнение договоров и обязательств, заключенных А.М. Пешковым, нижеподписавшиеся берут на себя в целом и безраздельно”.⁴

Сам Гржебин возглавил производственно-издательский отдел “Всемирной литературы”, а в 1919 г. – собственное издательство, председателем редакционного совета которого стал Горький. Однако в отечественном литературоведении издательства “Всемирная литература” и “Издательство З.И. Гржебина” фигурировали под обобщающим определением “горьковские издательства”. Именно таким образом - как созданные и руководимые А.М. Горьким структуры - воспринимались они и большевистским руководством. Подобная точка зрения нашла свое отражение и в современной исторической литературе. Издательство Гржебина упоминается не иначе, как “горьковское”. В действительности права собственности в нем были распределены иначе. Договоры, которые издательство Гржебина заключало с советскими организациями, содержали стандартную формулировку, гласившую: “Государственное издательство в лице его Заведующего В.В. Воровского с одной стороны и Книгоиздательство З.И. Гржебина в лице владельца З.И. Гржебина и редактора книгоиздательства А.М. Пешкова (Горького), с другой стороны, заключили между собой договор в нижеследующем...”⁵ (*Курсив наш – А.К.*).

И хотя именно Горький на протяжении всего существования названных издательств воспринимался в Советской России в качестве их владельца и руководителя, реальным собственником оставался Гржебин, долгое время использовавший имя писателя для достижения своих собственных целей.

История взаимоотношений Горького и Гржебина, использованных последним в попытке монополизировать печатание произведений русских и западноевропейских классиков литературы для Советской России, сложна и запутанна.

Горький находился в Советском государстве на “особом положении”. Суть отношения большевистской власти к этому выдаю-

щемуся писателю и общественному деятелю выразил А.В. Луначарский в своем письме А.И. Рыкову 18 сентября 1920 г.: “Пусть в этой области, совершенно невинной политически области подкармливания ученых, использования их силы в аполитичной культурной области Горький заработает, до некоторой степени, карт-бланш. Худа от этого никому не будет”.⁶ Прочитированное письмо появилось на свет в результате затянувшегося конфликта между руководством страны и Горьким по вопросу о сотрудничестве с Гржебиным и, соответственно, финансировании его издательской деятельности.

Еще 1 мая 1919 г. в письме В.В. Воровскому Горький писал: “... Из тяжелого опыта “Всемирной литературы” и других начинаний такого рода я убеждаюсь, что в России нет возможности печатать книги: типографская техника расшатана, рабочих рук – мало, топлива – нет. В результате всего этого – нет книг в количестве, потребном для огромной страны...”

Где же выход из этого положения? Его, – на мой взгляд, – нашел мой старый приятель, Зиновий Исаевич Гржебин, человек энергичный и в книжном деле опытный. Он предлагает печатать книги за границей... И вот я горячо прошу Вас помочь всем, чем можете, Зиновию Гржебину осуществить это дело. Да, это будет частное предприятие, но где иной выход для снабжения страны духовной пищей?”⁷

В первоначальные планы издательства, согласно представленной 16 июня 1919 г. в Наркомпрос записке, входил выпуск двух серий книг, названных авторами проекта “основной” и “народной”. В “основной” серии предполагалось выпустить в свет произведения Ч. Диккенса, Г. Флобера, А. Франса, О. Бальзака, Стендаля, В. Скотта и других (под редакцией и со вступительными статьями Ф.Д. Батюшкова, Ф.К. Сологуба, Р. Григорьева, М.А. Кузьмина).

Параллельно, под непосредственным руководством Горького, готовились к изданию книги “народной” серии, включавшей в себя произведения Г. Уэллса, М. Твена, О. Уайльда, А. Франса и других классиков мировой литературы.⁸ Разница между основной и народной сериями заключалась в большей адаптированности последней для малообразованного читателя. Всего в течение трех лет предполагалось издать около 2000 брошюр и 800 томов художественной литературы. Для осуществления этих планов Горькому было выделено 6 657 000 руб.⁹

Однако с момента появления совместных планов Горького и Гржебина, большевистское руководство недвусмысленно давало по-

нять, что оно не намерено в одинаковой степени финансировать деятельность и того, и другого. 5 июня 1919 г. на первом заседании редакционной коллегии Госиздата в присутствии Луначарского Воровский доложил о содержании полученных им предложений Горького о поддержке частного издательства Гржебина и об их совместных планах переноса книгоиздания для Советской России за границу. По докладу Воровского были приняты два постановления. По первому из них предполагалось ограничить деятельность издательства “Всемирная литература” только западноевропейскими авторами, исключив из его планов произведения русской классики. По издательству Гржебина резолюция была более жесткой: “Отклонить государственное субсидирование частного издательства “З.И. Гржебин”. Предложить издательству “З.И. Гржебин” взять на себя печатание книг, подготовленных издательством “Всемирная литература”... на условиях оплаты Государственным издательством всех действительных расходов по печатанию и предоставления З.И. Гржебину 5 % из этой суммы на покрытие накладных расходов”.¹⁰

Естественно, что 5 % комиссионных Гржебина устроить не могли, поэтому он не оставил попыток убедить руководство Наркомпроса утвердить и профинансировать издательский план его собственной фирмы. Привлекая для его разработки Горького, Гржебин рассчитывал, что с его помощью удастся получить средства под разработанный проект. Универсальность издательского плана, подготовленного Гржебиным и Горьким, не знала себе равных в мировой издательской практике: не было буквально ни одной отрасли науки и техники, ни одной области общественной жизни, которой бы не предполагало заняться издательство. Спектр запланированных изданий был широчайший: от популярных брошюр до учебников, и от учебников до капитальных монографий. Издательство брало на себя подготовку и выпуск в свет не только книг, но даже географических карт и наглядных пособий для школ и вузов.

Такие масштабные планы вызвали недоумение Воровского. Он предложил Гржебину приложить свою энергию, прежде всего, к печатанию книг “Всемирной литературы”. Однако Гржебин, в очередной раз используя имя Горького для достижения своих целей, фактически устранился от деятельности “Всемирной литературы”. Вместо этого он начал заключать договоры с различными государственными учреждениями и получать авансы под несуществующие издания. Таких авансов ему удалось набрать на несколько миллионов рублей.¹¹

Между тем, озабоченность большевистского руководства подобной деятельностью Гржебина возрастало. Раздав обещания и получив авансы, Гржебин не спешил везти в Россию отпечатанные книги. Но для осуществления своих дальнейших планов ему необходимо было показать хотя бы какую-нибудь продукцию, в противном случае издательство Гржебина могло быть окончательно отлучено от огромного рынка сбыта. Чтобы избежать такого развития событий, Гржебин принял решение опубликовать книгу Луначарского “Великий переворот”, попытавшись таким образом убить двух зайцев: показать в России свою продукцию и оказать приятную услугу человеку, от которого во многом зависел успех его дальнейшей деятельности.

Вскоре после выхода в свет этой книги на первой странице “Правды” от 9 ноября 1919 г. появилась заметка “Странное недоразумение”, начинавшаяся словами: “Передо мной лежит каталог издательства З.И. Гржебина – издательства явно авантюристического”. Автор заметки особое внимание обратил на последнюю страницу каталога, где была напечатана программа серии “Летопись революции”, извещавшая о предстоящем выходе в свет мемуаров “выдающихся деятелей революции” Л. Мартова, А. Потресова и В. Чернова. Автор спрашивал Луначарского, книга которого открывала серию, “как он попал в эту почтенную теплую компанию” открытых врагов Советской власти и почему его книга должна была выйти у частного издателя, а не в Государственном издательстве. Здесь же указывалось, что, выпустив эту книгу, Гржебин использовал имя популярнейшего партийного литератора в своих корыстных целях. После этого скандала Горькому пришлось приложить большие усилия, чтобы смягчить его последствия.¹²

Первый значительный успех пришел к издательству Гржебина 23 апреля 1920 г. В этот день состоялось заседание Совета труда и обороны, проходившее под председательством В.И. Ленина. На этом заседании были обсуждены предложения Горького о переносе книгопечатания за границу. Этот вопрос решено было предварительно рассмотреть на заседании комиссии Совнаркома по внешней торговле, состоявшемся 26 апреля. Председателем заседания и основным докладчиком был назначен заведующий Госиздатом Воровский, и таким образом вопрос о разрешении двум издательствам (“Всемирной литературе” и Гржебина) печатать свои издания за границей был поставлен на уровень государственной политики. В итоге было принято постановление: “Впредь до восстановления полиграфической промыш-

ленности и достаточного снабжения ее бумагой признать необходимым печатание за границей наиболее важных для страны изданий...”

Уже на следующий день, 27 апреля, Совнарком под председательством Ленина утвердил это решение комиссии и определил кредит, открываемый Наркомвнешторгом Госиздату для этих целей, в размере 50 000 ф. ст.¹³

Окрыленный этим решением, Гржебин выехал в Германию для организации издания книг за границей. Однако скептицизм по поводу его деятельности не исчез; на самых разных уровнях советского государственного аппарата продолжались ее обсуждение и критика. Так, 10 сентября 1920 г. в Госиздат из Петрограда пришло письмо заведующего Севцентропечатью А.М. Гертика, в котором тот подробно писал об истории издательства Гржебина с весны 1919 г. и заключал: “Гора родила мышь. Из сотен книг, намеченных в программе, и десятков книг, на которые приняты заказы и получены задатки, выпущено в свет свыше чем за полтора года 5, или, в лучшем случае, 9 названий, из них новых только 4, а остальное – перепечатки. Вся издательская деятельность Гржебина характеризуется следующим: скупка почти всех русских писателей, в том числе кое-кого из коммунистических, и, по слухам, за бесценок; разработал большую программу и разрекламировал свою деятельность, получил громадные заказы и громадные авансы и выжидал благоприятного времени, когда он сможет появиться на книжном рынке полным монополистом, а пока, чтобы была видимость деятельности, выпускает время от времени никому не нужные брошюры”.¹⁴

Но имя Горького продолжало оберегать издательство Гржебина. Луначарский в письме Рыкову писал, что нужно дать Горькому возможность проявить себя в культурно-издательской работе, воодушевлявшей тогда Горького, не уничтожать издательство Гржебина, а поставить его под строгий контроль опять-таки ради Горького.¹⁵

Однако подобный контроль, воспринимавшийся Горьким как проявление недоверия к нему со стороны Советской власти, повлек за собой драматичное решение писателя уйти из всех учреждений, им созданных, фактически устранившись от той просветительской и издательской деятельности, которую он вел в России. Это решение относилось к издательству “Всемирная литература”, Комиссии по улучшению быта ученых, Экспертной комиссии и Издательству Гржебина. Форма, в которую оно было облечено, была равнозначна ультиматуму. В своих письмах к Ленину 15 и 16 сентября 1920 г. Горький писал,

что он “слишком стар для того, чтоб позволять издеваться над собой”. И далее: “В сущности меня водили за нос даже не три недели, а несколько месяцев, в продолжение коих мною все-таки была сделана огромная работа: привлечено к делу популяризации научных знаний около 300 человек лучших ученых России, заказаны, написаны и сданы в печать за границей десятки книг и т. д.

Теперь вся моя работа идет прахом. Пусть так. Но я имею перед родиной и революцией некоторые заслуги, и достаточно стар для того, чтоб позволить и дальше издеваться надо мною, относясь к моей работе так небрежно и глупо. Ни работать, ни разговаривать с Заксом и подобными ему я не стану. И вообще я отказываюсь работать как в учреждениях, созданных моим трудом — во “Всемирной литературе”, Издательстве Гржебина, в “Экспертной комиссии”, в “Комиссии по улучшению быта ученых”, так и во всех других учреждениях, где работал до сего дня.

Иначе поступить я не могу. Я устал от бестолковщины”.¹⁶

Однако специальная комиссия ЦК РКП(б) под председательством Рыкова предприняла шаги для преодоления назревшего кризиса. Было принято решение о выделении субсидий для печатания книг за границей при посредничестве Гржебина. Горький, получив поддержку своих начинаний, не пошел на разрыв отношений.

В процитированном выше письме Горьким впервые упоминается имя заведующего административно-техническим аппаратом Госиздата С.М. Закса-Гладнева, в течение целого ряда лет остававшегося непримиримым оппонентом писателя во всех его заграничных издательских проектах.

Получив в сентябре 1920 г. прямое указание ЦК “не осложнять и не затруднять работу тов. Горького в Петрограде и за границей по книгоиздательству” и настоятельные рекомендации по “внимательному и бережному отношению к этому делу”,¹⁷ Закс повел борьбу против решения ЦК. На следующий день — 23 сентября — он обратился к Ленину, явно желая скомпрометировать в его глазах Горького как идеологического противника. Безапелляционная резкость письма Закса отчасти объясняет горьковскую остроту в неприятии этого человека. “Я очень сожалею,— писал Закс Ленину,— что в этом вопросе (о Гржебине — Горьком) мне приходится идти и против Вас. <...> При всей любви к Вам я никогда не почитал за партийный долг ладить с людьми, почему-либо сумевшими снискать В[аше] доверие <...> Назову одиозные случаи Мирона Черномазова и Романа Малиновского,

коих доверия я не заслужил и не добивался, ибо сам им не доверял. Оба провокатора пользовались известностью в партии: Р.В. Малиновский был избран рабочими депутатом IV Государственной думы, М.Е. Черномазов был секретарем газеты "Правда". По моему внутреннему убеждению М. Горький в теперешней революции играет роль не на много более почетную, нежели та, которую играли те оба лица в борьбе с царизмом. Как и они, он не верит в пролетарскую революцию, и огромное его преимущество в том, что он свое будущее ренегатство на случай — если мы будем когда-нибудь разбиты — подготавливает открыто, на наших глазах, и на наши ничемные гознаки...

Так же мало, как Мирон и Роман, Максим Горький верит в революцию, так же мало, как они, он верит в силы рабочего интернационала и в мировую революцию. То, что для Вас, для нас, для сотен тысяч и миллионов, иже с нами, является стимулом к борьбе, оставляет Горького холодным.

<...> Я категорически отказываюсь последовать Вашему совету исполнять предписание т. Рыкова. <...> из глубокого убеждения, что моими руками РСФСР совершила бы роковую ошибку, что похоронена была бы вся та неимоверная огромная работа, которую я без усталости и сроку делал последние 2 1/2 месяца.

Я очень рад, что хоть и не в столь резкой форме, но по существу, [мою точку зрения] разделяет также и редакц[ионная] коллегия Госуд[арственного] Изд[ательств]а, что на ней, оказывается, давно стоит редакцион[ная] коллегия "Правды".

Если я ошибаюсь, то ошибаюсь в милой компании тт. Бухарина, Мещерякова и др.

Я всегда очень любил Вас <...> Вы по-прежнему высоко стоите над всеми, как воплощенная партийная совесть! При моей оценке Гржебина — Горького мне особенно досадно и больно, что Вы доверяете человеку, в котором я вижу воплощение Вашей противоположности".¹⁸

В октябре — в результате конфликта с Горьким — Закс был смещен с поста заведующего административно-техническим аппаратом Госиздата, однако вскоре назначен представителем Госиздата за границей. Горький протестовал против этого, вновь защищая издательское дело за границей в письме Ленину от 2 ноября 1920 г.¹⁹

Чем объяснялось подобное противостояние А.М. Горького и руководства Госиздата в начале 1920-х гг.? Исследования последних лет, часто затрагивая этот вопрос, не дают исчерпывающего ответа на

него. Так, авторы комментариев к опубликованной переписке Горького предполагают, что Государственное издательство “на первых порах, не имея опыта работы”, опиралось на инициативу частных издательств, заключая с ним договоры на издание тех или иных книг. Вместе с тем, “очень скоро Госиздат перешел от тактики сотрудничества с частными издательствами к подчинению их и вытеснению с книжного рынка. Именно этим обуславливались — в преобладающей степени — конфликтные отношения между Горьким с его издательскими начинаниями, подразумевавшими свободу действий, и Госиздатом, у руководства которого оказались люди прямолинейные как идеологически, так и в приемах действий, опасавшиеся сильного конкурента”.²⁰

Подобной точки зрения придерживался и И. Розенталь, считавший, что реализовать свои планы Гржебину на родине не удалось из-за “противодействия Советской власти”, усмотревшей, по мнению И. Розенталя, в деятельности издателя “угрозу своей идеологической монополии”.²¹

Между тем, борьба с издательством Гржебина — Горького, осуществлявшаяся в самой активной форме, могла объясняться и иными причинами, нежели стремлением к идеологической монополии. Условия, в которых она протекала, позволяют предположить, что не всегда работники, причастные в советском аппарате к вопросам издательской деятельности, руководствовались исключительно интересами порученного дела. Вполне вероятно, что эта борьба родилась в результате столкновения коммерческих интересов различных групп в руководстве Госиздата. Во главе одной из них, сам не ведая того, оказался Горький. Другую “возглавил” Закс-Гладнев. В своем письме от 4 марта 1921 г. Е.Г. Лундбергу, заведующему Научно-техническим отделом ВСНХ, созданному в Берлине в январе 1921 г., Закс писал: “... Сейчас весь вопрос только в том, чтобы не только на калькуляциях, но и на практике показать, что Гржебин к черту нам нужен. Надо ускорить дело печатанием книжек, причем центр тяжести из соображений, которые обычно мне противны, приходится перенести не на самые важные и нужные вещи, а на те, которое могут быть готовы особенно скоро, и могут сыграть нам полезную службу в смысле наглядного обучения советских простаков экономической действительности”.²²

Подобная лексика автора письма дает основание предполагать существование некой *личной* заинтересованности в исходе начавшейся борьбы. Еще более усиливает это подозрение ответное письмо Лундберга Заксу: “... Самуил Маркович, в области издательской у меня нет

никаких самолюбий и честолюбий, но я Вас прошу *в общих наших интересах* доводить до сведения центра обо всех удачах, ибо дешевизна, как Вы сами указываете..., *есть наиболее сильное оружие против Гржебина*".²³ (*Курсив наш. - А.К.*).

Что же представляли собой эти "общие интересы"? Можно предположить, что некоторые чиновники в руководстве Госиздата, в условиях недостаточно жесткого контроля со стороны государства за финансовой дисциплиной, предпринимали попытки осуществлять самостоятельную коммерческую деятельность за границей, оставаясь одновременно на советской государственной службе. На такое предположение наталкивает дальнейшая переписка Закса с Берлином. Так, сохранился его заказ книжному складу "Москва", владельцем которого, по странному стечению обстоятельств, был человек с точно такой же фамилией Закс. В одном из писем к Лундбергу в Берлин Закс-Гладнев, называя владельца книжного склада "своим однофамильцем", "убедительно" просил "в самом срочном порядке (*Выделено Заксом. - А.К.*) немедленно выслать почтой все то", что он "просил в количестве тройном, против указанного" с целью сформировать заказ для размещения за границей. И далее следовал перечень практически всего ассортимента берлинской фирмы.²⁴ Однако буквально в то же самое время, в письме к Ленину от 7 марта 1921 г., Закс в очередной раз подверг резкой критике идею Горького о зарубежном книгопечатании.

Возражения Закса по поводу доклада Горького Ленину о печатании в Германии "Всемирной литературы" сводились к следующему. В феврале 1921 г. Горький направил Ленину составленные им краткие "Тезисы доклада о печатании за границей изданий "Всемирной литературы"". В этом документе он предлагал, из-за отсутствия в России бумаги и технических возможностей, полностью перенести печатание книг за рубеж. По предварительной калькуляции, переданной Горькому его компаньоном Гржебиным, следовало, что при продаже изданных книг за границей этот проект не только окупится, но и позволит бесплатно присылать в Советскую Россию от 10 до 15 тыс. экземпляров каждой вышедшей в свет книги. Для осуществления этого плана, Горький просил ассигновать "Всемирной литературе" 1 000 000 нем. марок и командировать в Берлин представителя издательства.

Необходимо отметить, что на сравнительно коротком отрезке времени, примерно с середины 1921 по середину 1922 гг., ситуация на русском книжном рынке европейских государств, действительно,

складывалась таким образом, что подобный перенос книгоиздательской деятельности из РСФСР за границу был не только экономически оправдан, но и потенциально мог приносить прибыль. Тенденция увеличения спроса на русскую литературу в эмигрантской среде была вовремя уловлена Гржебиным и Горьким, предложившими большевистскому руководству этот довольно радикальный проект.

Кто именно из партнеров являлся автором идеи, установить на сегодняшний день не представляется возможным, однако в документальную форму она была облечена Горьким. Доклад «О печатании за границей “Всемирной литературы”», подписанный Горьким, содержал анализ европейского рынка русской литературы и основывался на сведениях, предоставленных издательством Ладыжникова в Берлине и издательством Боньера в Стокгольме. Следует, однако, сразу же оговориться: сам Горький переговоров с издательскими компаниями не вел. Все ссылки, которые имелись в докладе на заграничные издательские фирмы, были предоставлены Горькому не кем иным, как Гржебиным, и трактовали ситуацию с его точки зрения и в том смысле, который был ему наиболее выгоден. В представленном плане Горький и Гржебин основывались на следующих соображениях: “По данным издательства Боньера и издательства Ладыжникова, русские книги продаются в Европе, не считая Америки, в количестве от 5 до 10 тыс. экземпляров. Возьмем минимальную цифру: 5 тыс. экземпляров.

Себестоимость книги размера Всемирной литературы (20 печатных листов) при тираже в 10 тыс. экземпляров равняется для Германии (по точным данным, имеющимся у З.И. Гржебина) 5 германским маркам. Продажная цена книг в настоящее время – 20 марок. За вычетом 5 % на скидку книгопродавцам и организационные расходы – чистая прибыль равняется 5 германским маркам.

Иными словами: каждая проданная за границей книга дает возможность высылать в Россию бесплатно один экземпляр.

Для организации дела потребуется оборотный фонд в 1 млн. германских марок для выпуска первых 20 тыс. книг.

При умелой организации рынка и включения в него Америки и Чехословакии, имеется возможность значительно увеличить заграничный тираж книг. При этом условии Советская Россия может иметь бесплатно от 10 до 15 тыс. экземпляров каждой книги, изданной за границей...”²⁵

Закс подверг аргументированной критике каждый пункт плана Горького. Он построил свое опровержение на не менее тщательном

анализе ситуации на русском книжном рынке Германии: “Ошибочны, ибо совершенно абстрактны и не основаны на действительном положении русского книжного рынка за границей, так же и рассуждения о количестве сбыта за границей русской литературы. В количестве 5 – 10 тыс. экземпляров расходятся к лучшему случаю сочинения русских классиков, особенно же новых беллетристов (того же М. Горького). Расходятся эти количества при огромнейших усилиях старых, опытных, довольно энергичных фирм, вроде Ладыжникова, довольно медленно в течение 1 – 2 лет.

Совершенно иначе [обстоит] дело с книгами иностранной литературы на русском языке. Этих книг почти совершенно не будет покупать та часть белой эмиграции, которая владеет языками оригиналов. Этих книг совершенно не купят те иностранцы, которые изучают русский язык и русскую литературу – их число ничтожно. Таким образом, максимально может разойтись в год каждого выпуска “Всемирной литературы” за границей 2 – 2,5 тыс. экземпляров...

Практика Госиздата за последние полтора года не дает оснований ожидать каких-либо положительных результатов от осуществления доклада Горького...

Когда в свое время Гос[ударственное] Издательство, задолго до заключения договора в Финляндии, заключило с М. Горьким договор о покупке через него бумаги в Финляндии, дело схематически казалось простым, ясным и для Госиздата выгодным. М. Горькому было отпущено не то 2, не то 7 миллионов, тогда еще не обесцененных, советских рублей. Госиздат не получил ни одного листа бумаги по этому своему договору с М. Горьким, а на запрос Наркомвнешторга о судьбе аванса, М. Горький заявил, что дело это – “очень запутанное”.

Мне представляется не рациональным создавать новое сначала очень ясное, а впоследствии “очень запутанное” дело²⁶.

Закс имел в виду договор Госиздата с М. Горьким от 31 января 1920 г. По условиям договора М. Горький брал на себя обязательство приобрести в Финляндии *за свой счет* и доставить в Петроград на склад Госиздата партию печатной бумаги на общую сумму 25 млн. руб. В качестве аванса Госиздат обязывался выдать Горькому 5 млн. руб. и разрешение беспрепятственного вывоза этих средств за границу. На сумму внесенного задатка Горький должен был предъявить расписку Финляндского бумажного треста, гарантировавшего сделку всем своим имуществом. Обмен русских рублей на иностранную валюту должен был быть подтвержден биржевыми бюллетенями, офи-

циальными справками заграничных кредитных учреждений, консульств нейтральных держав или других, “заслуживающих полное доверие” материалов.²⁷

Однако остается непонятным, где и как мог Горький обменять в Европе выделенные ему русские рубли, поскольку еще 14 сентября 1918 г. российский посол в Японии Крупенский передавал министру финансов Временного сибирского правительства из Токио в Омск информацию, относившуюся к котировкам русских денежных единиц на мировых рынках: “Официальные котировки на европейских и американских биржах давно прекращены”.²⁸ Вполне вероятно, что, когда Горький говорил об “очень запутанном деле”, он имел в виду какую-либо неудавшуюся схему конвертации выделенных ему Госиздатом рублей на одну из европейских валют. Имеются сведения о существовании рыночных, неофициальных котировок русских денег. Так, в телеграмме посланника Министерства иностранных дел в Пекине князя Кудашева от 13 сентября 1918 г. содержалась следующая информация: “Рубль в международном обращении совершенно не котируется. Существует лишь рыночная цена на него. В данное время здесь около 10 мексиканских долларов дают за 100 рублей. Билеты новых выпусков идут дешевле старых кредиток; разница 2 — 3 %. Первые при этом принимаются лишь новые, крупные, абсолютно чистые”.²⁹ В фонде российского финансового агента в Вашингтоне Угета сохранилась информация о рыночных, также отнюдь не официальных, котировках рубля до 1 января 1920 г. включительно.³⁰ После этой временной отметки иностранные кредитные учреждения уже не рисковали иметь дело с российской валютой. Между тем, договор Госиздата с Горьким был заключен 31 января 1920 г., и, как уже отмечалось выше, одним из его условий было названо предоставление отчетности “с приложением всех оправдательных документов”.

Между тем, сведений о недобросовестном исполнении Гржебиным взятых на себя обязательств накапливалось все больше. По запросу Госиздата в ВЧК было подготовлено досье на Гржебина. В числе прочего досье содержало следующие серьезные обвинения: “До 1917 г. фальшивые векселя... Об этом знают все писатели и сотрудники бывшего издательства “Шиповник”.

В 1917 г. аферы с бумагой. Получалась бумага для социалистической прессы, продавалась по вольным ценам (сведения может дать т. Ягода, управ[ляющий] дел[ами] ВЧК).

1918 – 1920 гг. Недобросовестный контрагент в России: получил от целого ряда учреждений (Московского Совета, Центропечати, Военного учреждения, Госиздата) больше 23 млн. рублей как аванс за книги, которые он должен был издать, но до сих пор никому ни одной книги не сдал.

Недобросовестный контрагент за границей. 15 ноября 1920 г. он заключил в Берлине договор со шведской фирмой на 5 млн. книг на сумму 5 млн. крон. Цены шведской фирмы... не менее чем в 4 раза дороже тех цен, которые тот же Гржебин имел в это самое время в Германии.

Гржебин делал попытку вступать в стачку с немецкими издателями, повышая цены”.³¹

В то же самое время из различных советских учреждений в Москву стекалась информация о невыполнении издательством Гржебина своих обязательств и о миллионных авансах, полученных его фирмой. Так, в письме не установленного автора (работника Севцентропечати) от 8 сентября 1920 г. содержалась информация о том, что Гржебин брал заказы под намеченные им к выпуску книги, причем в заказах фигурировали десятки названий и обычно заказы сопровождались авансами. В Севцентропечати, якобы, имелись копии трех подобных заказов, по которым издательство получило значительные авансовые платежи. В письме отмечалось, что за полтора года сотрудничества Гржебиным были изданы по заказу этой организации произведения пяти авторов: Суханова – 26 000 экземпляров, Луначарского – 7 000, Горького о Толстом – 15 000, Горький и дети – 20 000, и Строева о Горьком – 20 000, причем книгами из них были только первые два, остальные - брошюры и листовки.³²

16 декабря 1920 г. состоялось заседание редколлегии Госиздата, на котором были заслушаны полученные от Полиграфического отдела ВСНХ документы, отрицательно характеризовавшие деятельность Гржебина за границей. В них указывались конкретные факты спекулятивных сделок Гржебина с немецкими фирмами, когда Гржебин и его представители, действовавшие от имени Государственного издательства, требовали с издательств и владельцев типографий за предоставление им заказов определенный процент в свою пользу. Выписка из протокола заседания коллегии Госиздата гласила: “...Наблюдаются недопустимые факты, как то: книгозаказчик Гржебин, от имени Государственного издательства, дает крупнейшие заказы, причем берет с типографии за каждое издание определенный про-

цент, не только для себя, но и для целого ряда замешанных лиц, причем на номинальную цену нарастает часто до 80 %. Считая недопустимыми подобные явления, докладчики предлагают обратить самое серьезное внимание на указанное явление”.³³ Коллегией Госиздата было принято решение предоставить все материалы о деятельности Гржебина за границей в ВЧК, а копии – в ЦК РКП(б), Наркомвнешторг и лично Ленину.³⁴

В то же самое время, когда на коллегии Госиздата анализировались вполне убедительные документы о недобросовестности Гржебина, а последний продолжал собирать многомиллионные авансы с советских предприятий под призрачные заказы, Горький не переставал убеждать Ленина в том, что “никаких авансов Гржебин не требует”, а все разбирательства носят исключительно характер “травли хорошего человека”.³⁵

В последовавшие за этим месяцы конфликт вокруг издательства Гржебина продолжал разрастаться. Советские учреждения, так или иначе причастные к издательской деятельности или ее финансированию, принимали зачастую прямо противоположные решения о продолжении сотрудничества с Гржебиным. Так, редколлегия Госиздата в феврале 1921 г. постановила “приступить к немедленной ликвидации при посредстве Рабкрин отношений с З.И. Гржебиным”. Буквально на следующий день коллегия Наркомпроса под председательством Луначарского высказала мнение о рациональности передачи издательству Гржебина заказов на печатание за границей учебной литературы. Одновременно в Москву продолжали поступать письма из Германии, содержавшие все новые и новые факты о деятельности Гржебина. В феврале 1921 г. представитель Научно-технического отдела в Берлине Н.М. Федоровский предупреждал Луначарского, что в отчете Гржебина значились книги, существовавшие лишь в качестве пробных экземпляров, сделанные на дорогой бумаге и по заниженным сметам для того, “чтобы вернее получить казенные заказы”. Спустя несколько дней в Москву пришло еще одно письмо из Германии от Закса-Гладнева, в котором он писал: “...Если до сих пор я соглашался с доброжелателями и покровителями Гржебина в том, что он человек полезный, ибо он чрезвычайно энергичен, то теперь окончательно убеждаюсь в обратном – энергия вся его уходит на аферы”. Почти одновременно Луначарский получил второе письмо от Федоровского, который обращал внимание наркома на “рекламирование Комиссариатом просвещения некоего Гржебина. Пользуясь деньгами от вас и со-

трудничеством посланных вами же профессоров, этот господин по всей Европе разрекламировал себя: “Издательство Гржебина. Стокгольм – Берлин – Петербург”. Это значит на всех книжках и даже глобусах, который сей предприниматель посылает к вам. Получилась совершенно дикая вещь. Германский книжный и типографский мир не знает РСФСР, не знает Комиссариата просвещения, но хорошо теперь знает Гржебина, живущего в спекулянтской гостинице “Адлан”, где останавливаются мировые “шибера”. Между тем непосредственное издательство РСФСР здесь сэкономит массу денег и поднимет наше значение в Германии. Мне удалось сорганизовать такое издательство, и я прошу вас ликвидировать Гржебина и обращаться к советскому учреждению “Бюро иностранной науки и техники”³⁶.

Взаимоотношения с издательством Гржебина просил разъяснить и представитель Внешторга в Берлине Копп, ссылаясь при этом на Горького, в телеграмме от 14 марта 1921 г.: “Прошу срочно сообщить окончательные постановления надлежащих учреждений по вопросу о роли Гржебина в издательском деле и в организации книжной выставки. Сведения, имеющиеся у Федоровского — о разрыве с Гржебиным, — находятся в полном противоречии с сообщениями, которые мне были сделаны Горьким. От германских фирм поступают запросы”³⁷.

Наконец, 2 марта 1921 г. состоялось заседание комиссии Госиздата по ликвидации дел с Гржебиным. Последний признал все обвинения, выдвинутые против него. По итогам заседания комиссии Госиздата комиссии ЦК РКП(б) постановила потребовать с Гржебина возврата 500 000 нем. марок, полученных им от различных советских учреждений. Эта сумма была лишь малой частью средств, полученных Гржебиным в разное время. Так, справка заместителя заведующего Госиздатом, представленная им в Наркомвнешторг, гласила: “Настоящим Госиздат сообщает, что З.И. Гржебиным было получено около 24 млн. руб. (из них 1 млн. думских) для выполнения работ Госиздата и других учреждений.

В данный момент, ввиду болезни бухгалтера и отпуска некоторых сотрудников, Госиздатом первая сумма не может быть установлена точно, но, во всяком случае, оно гарантирует, что разница не превышает нескольких сотен рублей. Ни Госиздат, ни другое какое-либо учреждение не получило от Гржебина ни одной книги в счет этих денег.

Кроме того, помимо Госиздата, Наркомвнешторг выдал Гржебину 500 тыс. марок для печатания книг в Германии”.³⁸

Чтобы немного успокоить германское представительство, 24 марта 1921 г. в Берлин была отправлена телеграмма за подписью Луначарского следующего содержания: “Постановлением Госиздата договор с Гржебиным аннулирован. Комиссия ЦК признала договор недействительным, поручив детально рассмотреть вопрос особой комиссии. Эта последняя единогласно признала договор нарушенным по вине Гржебина. Условия Гржебина для издательской работы не приемлемы. Сведения Федоровского по делу Гржебина правильны. Все издательское дело за границей поручено представителю Госиздата, каковым для Германии является Федоровский”.³⁹

Однако Гржебину удалось и на этот раз добиться компромиссного соглашения. Редколлегия Госиздата приняла решение оплатить его издательству отпечатанные за границей книги по заказам различных учреждений. Это решение совпало и с мнением Ленина, высказанным им в письме Ю.Х. Лутовинову⁴⁰ 30 мая 1921 г.: “О Гржебине были разногласия у нас в ЦК. Одни говорили: вовсе убрать, ибо надуть может как издатель. Другие говорили: как издатель издаст дешевле. Пусть лучше надует на 10 000, но издаст дешевле и лучше. Выбрали комиссию поровну из обоих оттенков. Я не вошел в нее ввиду моего “пристрастия” (по мнению кое-кого) к Горькому, защитнику Гржебина. Комиссия решила единогласно. Не помню точно, как решила: кажись – покупать у Гржебина, если будет дешевле. Следовательно, Ваше заключение: “руководились не государственными соображениями”, а успокоением Горького, – прямая неправда”.⁴¹

Издательская деятельность Гржебина часто подвергалась нападкам и в эмигрантской прессе. Так, “Последние новости” опубликовали письмо Д.С. Мережковского, в котором по отношению к издателю было употреблено выражение “литературный паразит”. Гржебину инкриминировалось то, что он покупает у русских писателей в России, пользуясь их нуждой, созданные ими произведения практически за бесценок. Излагалось это обвинение довольно красноречиво: “Цену дает не очень большую. Ремизову за его произведения внес мешок мерзлого картофеля. Гиппиус получила, тоже оптом, 20 тыс. рублей. Мережковский за избранные сочинения – такую сумму, которая в переводе составила 50 франков. Покупку совершает со знанием буржуазных предрассудков. Договоры старается писать на гербовой бумаге

и закупает, так сказать, впрок: или навсегда, или, как было с Куприным, не меньше, как на 100 тыс. экземпляров”.

З.Н. Гиппиус также обвиняла Гржебина в том, что он скупал у бедствующих русских писателей права на издание их сочинений по чрезвычайно низким ценам. Гиппиус, в частично опубликованном в 1921 г. петербургском дневнике, также в резкой форме касалась этой темы, неприязненно освещая отношения Гржебина с Горьким: “С первого момента революции он, как клещ, впился в Горького. Не отставал от него ни на шаг, кто-то видел его на запятках автомобиля вел[икой] княгини Ксении Александровны, когда в нем, в мартовские дни, разъезжал Горький. <...> Теперь он правая рука — главный фактор Горького. Вхож к нему во всякое время, достает ему по случаю разные "предметы искусства" — ведь Горький жадно скупает всякие вазы и эмали у презренных "буржуев", умирающих с голоду.<...> К писателям Гржебин относится теперь по-меценатски. У него есть как бы свое (полулегальное, под крылом Горького) издательство. Он скупает всех писателей с именами,— скупает "впрок",— ведь теперь нельзя издавать. На случай переворота — вся русская литература в его руках, по договорам, на многие лета,— и как выгодно приобретенная! Буквально, буквально за несколько кусков хлеба!

Ни один издатель при мне и со мной так бесстыдно не торговался, как Гржебин. <...> Стыдно сказать, за сколько он покупал меня и Мережковского. Стыдно не нам, конечно. Люди с петлей на шее уже таких вещей не стыдятся”.⁴²

Подобные обвинения вызвали весьма бурную реакцию. “Воля России” 17 октября 1920 г. опубликовала статью критика А.Ф. Даманского, дававшего диаметрально противоположную оценку деятельности З. Гржебина: “Спасительную роль в существовании русских писателей за последних два страшных года играли два издательства: “Всемирная литература” и издательство Гржебина...”. И далее: “В программу издательства Гржебина входило издание всех современных писателей, серий биографий и научно-популярных книг. З. Гржебин приобрел право издания Мережковского, Куприна, М. Кузьмина, А. Амфитеатрова, Е. Замятина, В. Розанова и многих других...”⁴³

Не обошел молчанием обвинения в свой адрес и сам Гржебин. В ответном письме Мережковскому, посланном им в “Последние новости”, он изложил очень важную для понимания процессов, происходивших в издательском деле того времени, историю своих взаимоотношений с авторами, которых Мережковский упоминал в качестве

“обманутых”. Вопросы, поднятые издателем в письме, затрагивали проблему авторского права русских авторов и издателей на литературные произведения в послевоенной Европе вообще, и в Советской России – в частности. Гржебин писал: “... Уголовщину следует усмотреть совсем с другой стороны. Немедленно по продаже мне своих произведений и по сие время Мережковский снова продает те же сочинения другим издательствам. Пытался он продать и Государственному издательству, которое переслало мне его весьма пикантное письмо. Гиппиус продала мне свои стихи в 1918 г., деньги получила, а материал не сдала. Куприн продал мне сочинения, уже ранее проданные другому издательству. Что касается Ремизова, то надеюсь, что он, когда узнает о помещенной Вами заметке, сумеет лучше меня опровергнуть клевету...”⁴⁴

В ответ на многочисленные нападки Гржебин так определял свою жизненную позицию: “О моем издательстве много чепухи писали. Но судить нужно по моим делам... Я готов печатать от Ленина до Шульгина и еще правее, если это будет талантливо и правдиво (вернее, искренно)... Я совершенно независим и печатаю то, что нахожу нужным. Я не могу оторваться от России, хочу, чтобы мои книги попадали в Россию...”⁴⁵

Однако запрещение ввозить в Советскую Россию книги, изданные за границей, и расторжение берлинским торгпредством договора привело Гржебина к разорению.

11 января 1922 г. правление Госиздата приняло постановление, по которому “Всемирная литература” становилась независимым от государства частным издательством, “работающим на общегражданских основаниях”. В этих условиях дальнейшее сотрудничество с издательством Гржебина стало для большевистского руководства окончательно ненужным, а отношения с ним разорваны.⁴⁶ Просуществовавшее еще несколько лет издательство “Всемирная литература” прекратило свою деятельность в 1924 г. вместе с большинством русских издательств в Германии.

Вместе с тем остается открытым вопрос: для чего Горькому было необходимо столь длительное время вести напряженную борьбу с многочисленными противниками в лице весьма влиятельных советских должностных лиц, проводить сложную организационную работу, искать средства и на всех уровнях отстаивать идею переноса книгопечатания для Советской России в Германию? Объяснять подобные действия писателя только лишь материально-техническими причинами,

вызванными хозяйственной разрухой в России, было бы, думается, не совсем правильно. Приводимое ниже объяснение является лишь гипотезой, для доказательства или опровержения которой необходимы дальнейшие углубленные исследования биографии и деятельности Горького. Но уже сейчас в пользу этой гипотезы говорят некоторые документы, обнаруженные в ГА РФ.

В первые послеоктябрьские годы позиция Горького по отношению к реальностям большевистской России, была во многом противоречивой, подверженной эмоциональным всплескам. С одной стороны, вера в социалистическое будущее своей страны, убежденность в неизбежности именно такого пути развития постоянно вступала в конфликт с окружавшим писателя беззаконием и попранием всех возможных гражданских прав и свобод. Этому периоду жизни, деятельности и творчества Горького было посвящено в последние годы довольно большое количество исследований и документальных публикаций.⁴⁷ Открытые для исследователей письма Горького отражали беспощадность будней революции, и говорили жестокую правду о ней, которая потом была “подменена большой ложью”. По существу каждое из писем демонстрирует внутреннюю сложность, неоднозначность позиции писателя. Так, авторы вступительной статьи к неизданной переписке Горького ссылаются на свидетельство английского философа и общественного деятеля Б. Рассела, приезжавшего в Россию летом 1920 г. с делегацией от профсоюзов и партии лейбористов. В книге “Практика и теория большевизма”, одна из глав которой была названа “Ленин, Троцкий и Горький”⁴², Рассел рассуждал о роли “несгибаемых ортодоксов” большевизма. Горького автор воспринимал иначе. “Совершенной противоположностью обоим этим людям”, — писал он о встрече с писателем, — “был Горький, с которым я имел краткую беседу в Петрограде. Он лежал в постели <...> и, очевидно, находился во власти каких-то очень сильных переживаний. Он настойчиво просил меня, говоря о России, всегда подчеркивать, что ей пришлось выстрадать. Он поддерживает правительство, — будь я русским, я делал бы то же самое — не потому, что считает его безгрешным, но потому, что возможные альтернативы еще хуже. В нем чувствуется любовь к русским людям, которая делает их сегодняшние страдания невыносимыми для него самого, и которая ослабляет фанатизм веры, характерный для ортодоксальных марксистов. Мне он показался более других достойным уважения и, на мой взгляд, наиболее симпатичным из всех русских, которых я видел <...> Все представители ин-

теллигенции, которых я встречал,— класс, весьма сильно пострадавший,— выражали ему благодарность за то, что он для них сделал. Материалистическая концепция истории — это хорошо, но так важно спасти духовность — высшую ценность цивилизации <...> Горький сделал все, что в состоянии сделать один человек, для сохранения интеллектуальной и художественной жизни России”.⁴⁸

Эта “непохожесть” Горького на большевистских вождей, его частые конфликты с партийно-советскими чиновниками, ставшие особенно острыми в 1920 г., когда писатель вступил в открытое противостояние с Госиздатом, являлись, скорее всего, внешним проявлением его внутреннего несогласия с происходившими в стране событиями. В этих условиях писатель не мог не задумываться и о своей собственной судьбе, о возможности продолжать творческую и общественную работу в Советской России. Неоднократные заявления Горького о прекращении работы в руководимых им учреждениях, перенос издания “Всемирной литературы” в Германию, тесное сотрудничество с Гржебиным, позднейший отъезд писателя за границу наводят на мысль, что в начале 1920-х гг. М. Горький предпринял попытку создать за границей собственную издательскую базу, которая, в случае окончательного разрыва с большевистским руководством, могла бы стать основой для продолжения его литературной и издательской деятельности.

Особо отметим, что ссылки на материальные и технические проблемы книгоиздания в самой России вряд ли могут являться серьезными аргументами для объяснения такого рода переноса деятельности за пределы страны. Как видно из документов, планы издательства Гржебина и “Всемирной литературы” были огромны, а средства, которые планировалось истратить на их осуществление за границей, исчислялись миллионами немецких марок. Вполне очевидно, что лишь малой части из них было бы достаточно для организации в самой России мощного полиграфического производства, которое удовлетворило бы потребности обоих “горьковских” издательств. Кроме того, Горький не мог не понимать, что преодолеть разруху в стране, восстановить промышленность и заставить ее работать, сократить безработицу можно только путем предоставления этой самой промышленности соответствующих заказов и финансирования под их выполнение. Как человек, знакомый с типографским производством, Горький знал и хорошо разбирался в производственном процессе и его проблемах, а как человек, искренне болеющий за судьбу своей страны, прекрасно

понимал, какую роль для российской промышленности могли бы сыграть те миллионы, которые уходили в Германию на немецкие типографии.

Стало быть, истинные причины настойчивых попыток Горького наладить книгопечатание в Германии, действительно, могли быть иными. И здесь необходимо упомянуть еще об одном мотиве, который мог оказать влияние на такое решение писателя. Этим мотивом могла стать идеологическая монополия, которую большевики усиленно насаждали в издательском деле. В краткий период времени, когда в Советской России допускалась деятельность частных издательских фирм, жесткому контролю подвергалось не только содержание издававшихся книг, но и издательские планы, организация производства и даже размеры гонораров, выплачивавшихся авторам произведений. Так, в октябре 1919 г. Государственный контроль, производя ревизию “Издательства З.И. Гржебина” в Петрограде, указал, что вознаграждение авторов за право издания их произведений не должно превышать ставок Госиздата, и что договоры с вознаграждением выше ставок “могут быть заключаемы” издательством Гржебина лишь в том случае, если на совершение таких договоров будет дано разрешение Госиздата.⁴⁹ Поэтому перенос издательской деятельности в Германию мог восприниматься Горьким как средство противодействия подобному тотальному контролю, ограничивавшему как творческие, так и предпринимательские планы писателя.

Насколько верна предложенная гипотеза, покажут дальнейшие исследования. Но уже сейчас можно сделать вывод, что существующие на сегодня оценки роли Горького в деятельности издательств Гржебина и “Всемирной литературы” требуют серьезного пересмотра. Являясь редактором, вдохновителем, художественным и научным руководителем названных издательств, писатель не имел реальной возможности заниматься их непосредственным управлением. Эту роль, на протяжении всех лет существования названных фирм, исполнял Гржебин, в руках которого находились все оперативные рычаги управления издательским процессом. Необходимо констатировать, что Гржебин в полной мере использовал такое положение вещей в собственных интересах. Им была предпринята попытка монополизировать книгопечатание для Советской России путем постановки под свой контроль большей части заграничных заказов на издание литературы и скупки за бесценок произведений российских авторов. Имя, авторитет и положение Горького широко и умело использовались

Гржебиным для достижения этой цели. Более того, можно с уверенностью утверждать, что именно подобная политика Гржебина спровоцировала конфликт Горького с Госиздатом.

Государственное издательство, обладавшее всей полнотой информации о деятельности Гржебина, вынуждено было оберегать собственные и государственные интересы, что воспринималось Горьким как покушение на его общественную и издательскую работу.

Вместе с тем, трудно переоценить то значение, которое имела деятельность “горьковских” издательств для развития русского издательского дела в Германии. Значительные средства, под “нажимом” Горького выделявшиеся большевистским правительством для книгопечатания в Германии, и, главное, тот ажиотаж, который удалось создать Гржебину вокруг советских заказов в Германии, неизбежно влекли за собой как увеличение предложения русских книг, так и рост количества издательств, ориентированных на книгопечатание для РСФСР. Именно успех издательства Гржебина на советском книжном рынке заставил многие русские издательские фирмы в Германии искать контакты с представителями Госиздата и других государственных учреждений, как это рассматривалось выше, в надежде, хотя бы отчасти, этот успех разделить.

¹ Неизвестный Горький. Вып.3. Горький и его эпоха: Материалы и исследования. М.,1981.С.59.

² *Розенталь И.* Гржебин Зиновий Исаевич//Русское Зарубежье. Энциклопедический словарь. М.,1997.С.193.

³³ Неизвестный Горький. Вып.3.С.60.

⁴ Исторический архив. М.,1958.№ 2.С.71.

⁵ ГА РФ. Ф.395.Оп.10.Д.44.Л.191.

⁶ *Хлебников Л.М.* Из истории горьковских издательств: “Всемирная литература” и “Издательство З.И. Гржебина”//Литературное наследство. Т.80.В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. М.,1971.С.683.

⁷ Исторический архив. М.,1958.№ 2.С.77.

⁸ Исторический архив. М.,1958.№ 2.С.80.

⁹ *Хлебников Л.М.* Указ. соч.С.670.

¹⁰ Там же. С.674.

¹¹ Там же. С.676.

¹² Там же. С.677.

¹³ Там же. С.679.

¹⁴ Там же. С.682.

¹⁵ Там же. С.683.

-
- ¹⁶ Неизвестный Горький. Вып.3.С.33.
- ¹⁷ *Хлебников Л.М.* Указ. соч.С.683.
- ¹⁸ Неизвестный Горький. Вып.3.С.55.
- ¹⁹ Горький М. Неизданная переписка. М.,2000.С.206-207.
- ²⁰ Неизвестный Горький. Вып.3.С.53.
- ²¹ *Розенталь И.* Указ. соч.С.194.
- ²² ГА РФ.Ф.395.Оп.1.Д.216.Л.56.
- ²³ Там же.Л.24.
- ²⁴ Там же.Л.53.
- ²⁵ ГА РФ.Ф.395.Оп.13.Д.1.Л.69.
- ²⁶ Там же.Л.103об.
- ²⁷ ГА РФ.Ф.395.Оп.1.Д.56.Л.71.
- ²⁸ ГА РФ.Ф.200.Оп.1.Д.46.Л.9.
- ²⁹ Там же.Л.7.
- ³⁰ ГА РФ.Ф.5863.Оп.1.Д.1.Л.136.
- ³¹ ГА РФ.Ф.395.Оп.10.Д.44.Д.181.
- ³² Там же.Л.176.
- ³³ Там же.Л.179.
- ³⁴ *Хлебников Л.М.* Указ.соч.С.689.
- ³⁵ Неизвестный Горький.Вып.3.С.37.
- ³⁶ *Хлебников Л.М.* Указ.соч.С.691.
- ³⁷ ГА РФ.Ф.395.Оп.1.Д.228.Л.73.
- ³⁸ Там же.Л.5.
- ³⁹ Там же.Л.43.
- ⁴⁰ Лутовинов Ю.Х. – государственный и партийный деятель, с 1920 г. чл ен ЦК союза металлистов и член президиума ВЦИК и член президиума ВЦСПС. Во время дискуссии о профсоюзах 1920 – 1921 гг. являлся одним из руководителей “рабочей оппозиции”. В 1921 г. был снят с профсоюзной работы и назначен заместителем торгового представителя РСФСР в Германии.
- ⁴¹ *Ленин В.И.* Полн.собр.соч.Т.52.С.226.
- ⁴² Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В., Злобин В.А. Царство Антихриста. Мюнхен,1921. Цит.по: Неизвестный Горький.Вып.3.С.60.
- ⁴³ Русская книга.Берлин,1921.№ 1.С.10.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Розенталь И.* Указ.соч.С.195.
- ⁴⁶ *Хлебников Л.М.* Указ.соч.С.699.
- ⁴⁷ Неизвестный Горький.Вып.3.Горький и его эпоха. Материалы и исследования. М.,1994; *Чуковский К.И.* Дневник.Т.1—2.М.,1992—1995; *Парамонов Б.* Горький, белое пятно//Октябрь.М.,1992.№ 3; *Горький М.* Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917—1918 гг.).М.,1990; *Манухин И.И.* С. Боткин, И. Мечников, М. Горький//Новый журнал.Нью-Йорк,1967; и др.

⁴⁸ Неизвестный Горький. Вып. 3. С. 19.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 395. Оп. 10. Д. 44. Л. 54.